

Наталия ЧЕРНЫХ

ПЯТЬ «А» И ОДНО «О»

Анна Аркатова. Сейчас пройдет. – М.: Арт Хаус медиа, 2021. – 117 с.

Господи сосредоточься
Налюбовался уже

(«Трезво смотрю на шею...»)

Когда поэт считается постоянным автором статусного журнала (скажем, «Нового Мира»), принимает участие в поэтических фестивалях, а кроме того – довольно успешный журналист и просто красивая женщина, накануне чтения книги начинается неизбежная рефлексия. Но в отношении стихов Анны Аркатовой меня волнует нечто совершенно другое. Когда я читала эту книгу, в начале которой стихотворения сжатые, как небольшие пружины, а в конце – нечто вроде баллад, хрупких как фарфоровые скульптурки, у меня было ощущение, что по мне идет автоматная очередь. Вскользь, чтобы только напугать, и именно это внушало трепет к чтению. А я люблю это состояние при чтении стихов.

Книга «Сейчас пройдет» напоминает мне собрание изящных и почти бесполезных, но все же великолепно сделанных статуэток, расставленных на одной плоскости в строго определенном порядке, по группам. Вместе они представляют собой довольно пеструю молчаливую толпу, но это на первый взгляд. Когда начинаешь присматриваться, каждое стихотворение проявляет свой характер (часто упрямый), забирает внимание, так что от стихотворения к стихотворению переходишь с трудом: не то под обстрелом, не то уворачиваясь от новогодних хлопушек. Кстати, тема праздников – восьмое марта, а особенно Новый год – занимает очень важно место в книге.

По книге путешествуешь как на санках с ледяной горы: от острого, легкого («чашечки для битья») – к сложным сомнениям, которых сразу много и которые отражают друг друга как зеркало, поставленное напротив зеркала («поэзия – игра чем выше ставки / тем очевидней крах»). Под стать дерзким мыслям и пунктуация – нервная, мерцающая, но этим промахам нечего предъявить от лица граммар-наци. Книга идет как человек на подвижной доске для паркура: от небольшой дистанции к сложной, от фигуры к фигуре, от спокойного и трогательного (сугубо женского) цинизма к цифровому холоду и отстраненности.

Четыре года назад, в июне 2018-го, Анна Аркатова сказала в интервью «Новым известиям»: «В стихотворении обязательно должен быть парадокс, даже какая-то издевка». «Сейчас пройдет» вполне это высказывание подтвердило. Кроме одного: название дано без издевки, а с надеждой на перемену (и состояния, и обстоятельств). Если в стихотворении (как в балерине или оловянном солдатики) есть издевка, то во взгляде поэта издевки нет. Так что для меня эта книга – об уникальном опыте правильного сострадания в мире хронической несовместимости предположений и реальности. Предположения остановить нельзя, реальность либо меняется, либо уходит по-английски.

(...)

к чему приложишь циркуль взятый в школе
раздвинуты границы и уму
не распознать
где теснота где воля

(«Столы трансформеры...»)

Наверняка на эту книгу будут еще рецензии, так что я просто обозначу темы, чтобы будущие энтузиасты могли обвинить меня в недостаточном внимании к ним. Все эти темы важны, но они не являются ядром книги, которое намного интереснее и глубже, чем просто лирика и даже (воздушный поцелуй в сторону) женская лирика. Итак, начинаю перечисление.

Первое – переживание возраста и установление с ним отношений (здесь гиперссылка на несколько блистательных в этой теме стихотворений Инны Лиснянской).

Люблю этот фильм про любовь стариков
она настоящая леди
стоит на веранде без обиняков
ему говорит – ты последний
не словом конечно причём тут слова
а так виражом сигареты
которую ищет в халате сперва
смеясь и краснея при этом
(...)

(«Люблю этот фильм про любовь стариков...»)

Второе и базовое – еще модная сейчас фемповестка в очень изысканном ракурсе, и здесь у Анны Аркатовой, несомненно, свое лицо («на живописном полотне / стоит мужчина в стороне»).

Из новой орнитологии

Сначала был нежным сливочным и творожным
путался в волосах моих
выбирался сложно
потом оседал чайной растворился как нескафе
расписывался на мне ручкой в каждой графе
отнимал от бумаги пальцы чтобы припасть к моим
отнимал у красавиц пассы – кто там справа там мы сидим
два взъерошенных голубя парочка снегирей
никогда не летающих кстати
умирающих среди ветвей
как поведал мне орнитолог наблюдающий это сам
различающий триста видов
по одним голосам

Здесь вспоминается строка из стихотворения Елены Шварц, по контрасту, который лежит в той же системе координат: «Мы посмотрели друг на друга / Как изумленные коты» («Любовь как третье»). Именно что любовь как третье: в новой книге Анны Аркатовой это (любовь как третье) раскрыто полно и ясно, с первых стихотворений.

«Сейчас пройдет» содержит целый склад вопросов и намеков на ответы по теме феминизм: социальные отношения юной женщины при СССР и сейчас; в чем их разница; восприятие современной женщиной внимания мужчины (что совсем не отрицание, неприятие и агрессия и не матриониальный комплекс), разница между советским и новым бытом глазами современной женщины (и здесь никакой однозначности не предвидится), способы адаптации женщины в современном мире (здесь все более или

менее ясно: она все очень хорошо усваивает). И масса другого, о чем можно написать трактат, благо стихотворения к этому располагают.

Третье, не менее очевидное, но по косности нашей нынешней литературы (а в частности – критики) не попадающее в фокус, однако важное для меня: парадоксальная ностальгия. Вроде бы то же место жительства и та же языковая среда, с незначительными погрешностями. Но между обеими странами катастрофическая разница, и эта катастрофа так и останется с человеком до его кончины; мало того, она перейдет потомкам и будет развиваться совершенно непредсказуемо. И на мой глаз, это один из самых интересных моментов в книге. Он есть в большинстве стихотворений, пронзительными полутонами, которые – при свойственном обитателям сети нарушенном цветовосприятии – могут показаться черным или белым. Нет, поэт писал не о хорошем или о плохом – он еще в шоке.

***

Исчезло слово ситец и бязь и маркизет
а новое приплыло из паюсных газет
и кстати слово паюсный никто не говорит
но лексика не стала беднее не пизди
пришли другие ткани с не мнущимся бортом
но ложечка в стакане призывно не звенит
есть легкая небрежность на этом и на том
как будто только утро а вечер предстоит

Теперь о контексте, так же с обращением к будущим рецензентам и комментаторам. При желании в книге «Сейчас пройдет» можно найти следы обожаемых некогда (и отчасти сейчас) фей современной поэзии: Елены Шварц (эпиграф из которой дан к «Маленькой сезонной поэме») и чье влияние ощутимо в «снах» – почти балладах; величественной Ольги Седаковой, чьи «Старые песни» вспоминаются при каждом «господи» («какая господи цыганщина / таится в сердце без суда») и дерзкой Инны Лиснянской.

Сложнее будет установить родство с современными поэтессами: такой легкой, острой, скорбной и теплой иронии я ни у кого не встречала. У Анны Аркатовой как поэта путь необычный: стихи ее публикуются давно, но в фокус сообщества она попала сравнительно недавно. Впрочем, я считаю, что рождение поэта не совпадает с его паспортными данными о рождении.

Однако для меня есть ряд любопытных пересечений в новейшей поэзии: в экстравагантности – с творчеством Марии Степановой («ты стоишь рассеяна как айти»; здесь вспоминается «бряцаю неваляшкой на весу» из книги «Тут-свет»); в имеющей налет винтажа эклектике – с творчеством Геннадия Каневского («пахнет музыкой пудрой зарплатой / безголовою никой крылатой» у Анны Аркатовой); и в озорной откровенности – с творчеством Леры Манович («спи-спи, купальник мой спортивный» у Анны Аркатовой). Есть общая для всех троих сострадательная, но пронзительная нота, возникающая даже в резких метафорах, прошедших шлифовку не только наследием Хлебникова и обэриутов, но и метафористами, и уж конечно (благо интернет к тому времени уже открыли) ленинградской неофициальной культурой («Лазаренко продавал продавал квартиры и умер»).

Мне лично симпатичен сам образ поэтессы, возникающий в книге: манера записывать стихи здесь подразумевает нечто рваное, но парадоксально возникает особенная птичья пластика – тропа, да и строки в целом. Маленькая разбойница из сказки Андерсена расплакалась на подиуме, да и только.

Имя для поэта значит очень много. Пять заклинательных «а» плюс нечаянное «о» Анны Ахматовой переместились в пять «а» и одно «о» Анна Аркатова (нет, никаких оценочных сравнений не делаю, тут чистая лингвистика). Оказалось, что все дело в согласных. Рокочущих как летний гром, как «эхо прошедшей войны». И ввиду этих согласных разговоры о поэте как о гении (да и само понятие гениальности) или (что одно и то же по модулю) о поэте как о работнике текста на благо нового общества теряют смысл. Я не люблю режиссерскую постановку вопроса: «так не должно быть, но так есть». Книга «Сейчас пройдет» опровергает это утверждение: здесь есть точка будущего.

Поэт для меня прежде всего выдающийся эмпат. Без аномальной эмпатии ему стихотворений не написать, потому и «голова на винтах». Эмпатия сама по себе аномалия, но это и основное свойство человека. В мире, где религиозное сознание еще существует, это называется «сострадание». Это тяжелый опыт, но без него у человечества нет будущего. Поэзия прежде всего действие, манипуляции со знаками – это десерт. «Сейчас пройдет» мной прочитано как мощной поэтическое действие.